Вопрос о том, могут ли жители больших современных городов, мегаполисов, проводящие основную часть жизни в бетонных, кирпичных или монолитно возведенных многоэтажках, понять Сергея Есенина, никем, вероятно, не рассматривался. Да и кому им, вопросом этим, заниматься — у специалистов разного профиля, обращающихся к есенинской тематике, совершенно иные приоритеты и научные интересы. Охарактеризовать слова, их семантику, образы, концепты, модальность, рецепцию или даже перцепцию, символику и мифопоэтику, стиховедческие аспекты и психологический тип, установить последнюю авторскую волю и проследить творческую историю произведений — вот основной спектр их интересов. И, что радует, есть работы, посвященные научному изучению биографии поэта, а в последнее время все более широко и детально характеризуется есенинское окружение, в котором вспыхивают все новые и новые имена — в том числе забытых или полузабытых поэтов, критиков, скульпторов, издательских работников и других соратников Есенина и людей, каким-либо образом пересекавшихся с ним на жизненном пути. Однако о том, может ли *в принципе* современный горожанин понять Есенина, воспринять его стихи — их музыкальность, полифонизм, звукопись, всю полноту авторского вдохновения — никто не упоминает. Такие размышления, вероятно, считаются не подпадающими под научный формат. А если кто-нибудь подобное и напишет — его отформатируют, принудят следовать требованиям научных инструкций, жестких правил оформления источников. Да я и сам подобным грешу — или, можно считать и так, что, напротив, стараюсь вытянуть приходящие для публикации в сборниках статьи на нужный уровень, обеспечивающий возможность их усвоения и последующего использования в других работах. Конечно, разнообразие приветствуется, но научный стиль и определенные стандарты я всех заставлю соблюдать — иначе будет стенгазета, где каждый самовыражается как хочет, а не добротный научный сборник, выходящий под грифами солидных организаций.

Впрочем, не все именно так — есть замечательный музейно-заповедный «Есенинский вестник», там не

обязательно соблюдать все требования наукообразия. Но и в вестнике, замечу, не появлялось пока статей о том, корректно ли горожанину писать о поэтике Есенина с высоты своего N-го этажа.

«...ЛИСТОЛЕТА ПРОТЯЖНЫЙ СВИСТ»

Что слышим мы в современном городе? Неумолчные звуки, от которых острый есенинский слух пришел бы в расстройство и полное замешательство. Рев моторов окружает нас повсюду, не давая покоя слуху, не позволяя сосредоточиться и поразмышлять. Всюду двигатели, постоянный гул и вибрация, вызывающие напряжение и раздражение. Но привыкли мы уже к ним, и далеко не всегда и не все способны наслаждаться звенящей тишиной сельского утра, тихими звуками лесного пробуждения природы, безмолвной гибелью в световом всплеске далеких звезд и случайно проникших в земную атмосферу комет и метеоров. Тихие-тихие звуки, только намечающиеся и зарождающиеся, были доступны слуху Поэта. «Клененочек маленький матке зеленое вымя сосет», «режет серп колосья», «тараканы лезут в паз» — в этих процессах чуткое есенинское ухо улавливало звуки и их анализировало. А мы, горожане, неспособны воспринять эти описания как отражение звукового многообразия есенинской жизни, непосредственно отразившейся в его художественном мире. Да и «сентябрьского листолета протяжный свист», который, казалось бы, мы все же могли бы воспринять, заглушается в городе фоновыми шумами.

Мы не можем теперь осознать есенинский звуковой код. После урчания автомобилей, скрежета поездов, ворчания газонокосилок, пиликанья телефонов, воя сигнализации, рева мотоциклов, разрыва петард ухо становится невосприимчивым к звукам! Да, если уйти в глушь леса, еще можно уловить, как «тенькает синица меж лесных кудрей» без неумолчного всеобщего гула, сопровождающего жизнь города и проникающего благодаря соединяющим города трассам даже в укромные уголки леса и просторные поля. Но и в глуши, чуть только захочешь прислушаться, так нет же тебе — найдется всякий раз какой-нибудь звук цивилизации, разрушающий даже саму мечту о возможности хоть немного, хотя бы самую малость пожить в звуковом мире поэта!

Есенин был счастлив на любимой родине, где провел свои все же беззаботные в целом, хотя и отуманенные немалыми невзгодами и проблемами, но

лучшие годы детства; на малой родине, одарившей его музыкальностью, способностью осмысливать цветовую палитру, впитывать ощущение необъятных просторов, — словом, теми качествами есенинской поэзии, которыми мы как русские и как нынешние жители есенинского отчества можем и по праву должны гордиться.

Для Есенина важны звуки естественные. Например, шум ветра, который, резвясь на просторах, способен рождать целое сонмище самых разнообразных звуков, во множестве вариантов проникающих в есенинские произведения. Склоняющиеся от ветра созревающие колосья и колышущиеся под его дуновениями деревья создают совершенно разные, отличные и различаемые не городским ухом звуки. Да и деревья от ветра волнуются по-разному, по-особому: клены, березы, осины. А ели, благодаря которым «хвойной позолотой взвенивает лес», порой замирают, прислушиваясь к звукам, которые сопровождают крестьянский труд, — «Темным елям снится гомон косарей». Ракиты же распознают иные звуки — природные: «Слухают ракиты посвист ветряной...» Какой он, этот посвист? Тоже разный, зависящий и от силы ветра, и от времени года.

«...ЧУЮ ВОЛЮ БОЖЬЮ»

О полноте есенинского восприятия мира мы можем судить по удивительному слову *чуять*, которое есть у Есенина, — а значит, присутствует и в нашей, сегодняшней жизни.

Вероятно, наиболее раннее употребление этого слова — в стихотворении «Я зажег мой костер...», созданном поэтом в период учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, в 1911–1912 годах. В нем слово *чуять* еще не столь широко наполнено смыслами, как в более поздних текстах, по значению оно максимально приближено

к словам *ощущать, чувствовать*. Приведем финал стихотворения:

Снова грусть и тоска
Мою грудь облегли,
И печалью слегка
Веет вновь издали.

Чую — будет гроза,
Грудь заныла сильней,
И скатилась слеза
На остаток углей.

В другом раннем стихотворении — «Лебедушка» — слово *чуять* уже более многозначно. Оно употребляется Есениным в переломный, кульминационный момент — при переходе от идиллии, когда белоснежная лебедушка общается со своими лебежатушками, к трагическому финалу — гибели матери, самоотверженно спасающей своих малышей и погибающей в когтях орла:

Хоронились лебежатушки
Под крыло ли материнское,
И когда гроза скрывалася,
Снова бегали-резвилися.

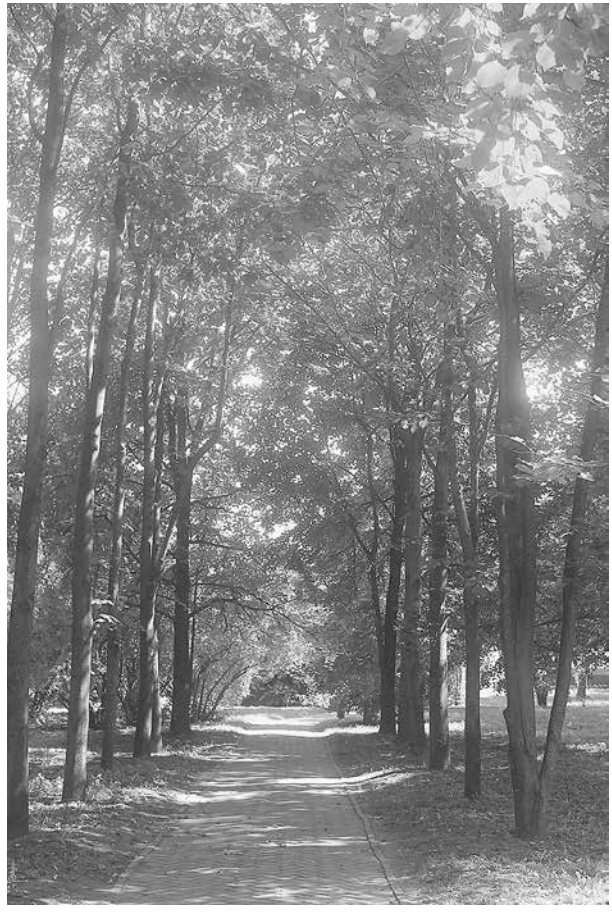
Но не чуяла лебедушка,
Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча черная —

Молодой орел под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную.

В сходном значении возникает это слово и в «Песни о Евпатии Коловрате», написанной Есениным в юности и доработанной уже в последний год жизни, — произведении, насыщенном диалектными словами, которыми богата и по сию пору Рязанщина:

Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной допоти,
Под фатой варяжьей засынькой
Коротала ночку темную.

Евпатий Коловрат — прославленный герой Рязанской земли — был важен для Есенина. В учебниках, по которым он занимался в школе, о Евпатии сообщалось: «В предании сохранилась память об одном рязанском герое, Евпатии Коловрате. В то время как татары громили Рязань, он был в Чернигове. Прибежав оттуда и увидев одни груды развалин и трупов, он закипел местию. С небольшой дружиною, набранною из оставшихся в живых рязанцев, он пустился



вслед за татарами, нагнал их и начал рубить и колоть с тыла. Батый думал, не мертвые ли рязанцы воскресли. “Что вы за люди?” — спрашивал он у пленных. “Мы христиане из Рязани, — отвечали они, — мы хотим тебя, великого царя, с честию проводить”. Едва ли не все свои силы должны были употребить в дело татары, чтобы одолеть Евпатия и его небольшую, но храбрую дружину. Татарский богатырь, вышедший на Евпатия, был рассечен им на части. Батый немало дивился храбрости этого отряда и с честью отпустил оставшихся в живых, отдавши им тело убитого Евпатия».

Знаменательно, что в день рождения Сергея, которое точно совпало (можно ли теперь, когда Есенин не менее известен в мире, чем сама Рязань, говорить о случайности этого совпадения!) с празднованием 800-летия Рязани, на юбилейных торжествах в губернском городе особое внимание уделялось именно Евпатию — герою, отличавшемуся необычайной отвагой и самоотверженно вступившему в бой с врагом.

Есенин гордился тем, что он, подобно Евпатию, являлся уроженцем Рязанской земли. И потому вернулся к образу героя в тридцатилетнем возрасте, переработав раннее произведение.

В «Песни о Евпатии Коловрате» почти дословно повторяется фрагмент изложенного в учебнике сказания:

Всколыхнулось сердце Батыя:
Что случилось там, приключилося?
Не рязанцы ль встали мертвые
На побоище кроволитное?

Однако финал у поэта совершенно иной:

Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куралесники,
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».

В таком же трагическом контексте — как предчувствие надвигающейся катастрофы, которой невозможно противостоять, — появляется слово *чуять* в стихотворении 1924 года «Воспоминание» («Теперь октябрь не тот...»). Это воспоминание о начале революции, трагически изменившей весь ход истории России, да и всего мира — тоже.

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.

Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
«Над омраченным Петроградом».

Уже все чуяли грозу.
Уже все знали что-то.
Знали,
Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали.

И гроза случилась — «Взошла железная заря». Железное, городское победило естественное, природное, родное сельское пространство, наполненное сладостными и приятными уху звуками. И прошлого уже не вернуть, остались лишь воспоминания о былом...

Столь же знаменито, как только что процитированное, и другое есенинское произведение, в котором автор описывает, что он чует. Это созданное в 1914 году стихотворение «Чую Радуницу Божью...» (в раннем варианте — «Знаю, чую волю Божью...»). Стихотворение завершало первую, 1916 года, выстраданную и необычайно гармоничную своей композицией книгу поэта «Радуница». Радуница — праздник, совмещающий в себя обряды, пришедшие из глубины веков, и христианскую символику. Это следовавший за православной Пасхой праздник, свидетельствующий о весеннем пробуждении жизни, о преодолении зимнего оцепенения и смерти. Мотив активного противостояния смерти, заложенный в «Радунице» и в ней же раскрытый, получит свое продолжение в маленьких поэмах периода революций, в которых «пророк Есенин Сергей» заявит: «Не хочу воспринять спасения / Через муки Его и крест». Отметим, что в одной из книг, которая входила в круг чтения Есенина (и была близка ему, в числе прочего, своим восприятием праздника Радуницы), способностью чуять наделялись даже умершие. Известный фольклорист А. Н. Афанасьев, основываясь на общеславянском материале, писал в знаменитой, переиздававшейся и в наше время книге «Поэтические воззрения славян на природу»: «С наступлением марта у всех славян начинаются обрядовые посещения кладбищ... в первый день этого месяца, перед самым восходом солнца, лужичане, чехи и поляки ходят на кладбища с зажженными факелами, служат там панихиды и оставляют на могилах разные яства; они думают, что вместе с обновляющейся природой мертвецы чуют дух жизни и обретают утраченные силы. Лужичане возглашают при этом следующие знаменательные слова: “Смерть мы погасили, новую жизнь зажгли”».

У Есенина умершие, покинувшие земную юдоль люди тоже могут *чуять*. Так, в маленькой поэме «Пантократор», написанной в феврале 1919 года, лирический герой Есенина заявляет:

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю — другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

«Другими очами» — и потому не *видеть, рассматривать, разглядывать*, а именно *чуять*, воспринимать всей полнотой своей души.

В 1915 году Есенин в письме к литератору Дмитрию Философову, характеризуя свое затруднительное материальное положение и вместе с тем пристраивая в печать яркую самобытную маленькую поэму «Микола», которая откроет чуть позже собранную уже «Радуницу», сообщит: «Ехать, я чую, мне не на что. Очень бы просил Вас поместить куда-либо моего “Миколая Угодника”».

Есенин не был первым в России поэтом, обратившимся к слову *чуять*. Так, оно встречается уже у Пушкина — «На перевод Илиады»:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Здесь слово звучит будто предощущением есенинского употребления: если звук можно слышать, то тень, неясную в очертаниях и таинственную, — *чуять* смущенной от неведения и неопределенности душой.

В «Обыкновенной истории» Ивана Гончарова *чую* беднее смыслами и предшествующего пушкинского, и последующего есенинского вариантов, хотя тоже далеко от линейного толкования: «Маменька сердцем чуяла отдаленное горе, — думал он [Александр], — там эти беспокойные порывы спали бы непробудным сном; там не было бы бурного брожения этой сложной жизни. Между тем и там посетили бы меня все человеческие чувства и страсти: и самолюбие, и гордость, и честолюбие...»

Значительно позже Есенина слово *чуять* мелькнет в булгаковском «Мастере и Маргарите»: «И, в самом деле, — тут неизвестный повернулся к Берлиозу, — вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... — тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие, — да, саркома, — жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, — и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме своей собственной, вас более не интересует. Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам». Тут *чую* — как предчувствие возможных нерадостных перемен в жизни, выражение чего-то еще совсем неясного, неопределенного, некоего глубинного чувства, которое тем не менее принуждает активно и целенаправленно действовать. Совсем по-есенински употреблено здесь Михаилом Афанасьевичем это слово.

Но вернемся к нашему поэту. В письме, написанном во время заграничного путешествия, захватившего многие страны Европы и Америку, Есенин вновь использует слово *чуять*, и снова оно раскрывает многоаспектность своего семантического наполнения. «Сандро, Сандро! — писал Есенин своему другу Александру Кусикову, возвращаясь с Айседорой Дункан из Америки в Европу. — Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется». Цитируя это чрезвычайно важное для понимания Есенина, его настроений во время пребывания за рубежом письмо, невозможно не сказать хотя бы несколько слов признательности его многолетнему хранителю — известному английскому слависту, исследователю биографии и творчества Есенина и Чехова Гордону Маквею. Неоднократно, еще с 1960-х годов, приезжал он в Россию, усердно и необычайно результативно работал в наших, советских, архивах и библиотеках, увлеченно переписывался со многими, тогда уже в преклонных годах, современниками Есенина, с ученицами знаменитой московской школы танца Дункан, с участниками уникального имажинистского содружества и их исследователями, проживавшими в разных странах. Гордон со всей своей английской рассудительностью, не обремененной, впрочем, холодным рассудком, методично собирал материалы о своих излюбленных русских авторах и их окружении. И вот теперь, обдумав грядущую судьбу своего архива, пошел на удивительный и заслуживающий восхищения поступок — передал всю свою коллекцию России как знак преклонения перед великой русской культурой. Столь щедрый дар получил от подданного Великобритании Государственный музей-заповедник С. А. Есенина на малой родине поэта. Три огромных — не меньше кубометра каждый — прочных деревянных ящика были доставлены в Россию. В каждом из них — по 10–15 ящиков с ценнейшими материалами — множеством редких, уникальных документов, копиями писем самого Гордона и полученными им ответами, копиями архивных материалов, книгами с дарственными надписями авторов. И одна из наиболее ярких жемчужин поступившей в Россию коллекции — процитированное выше письмо Есенина Кусикову. Конечно, сам текст его давно известен, но вот теперь написанное Есениным во время путешествия по Атлантическому океану письмо поступило на вечное хранение в родное село поэта. Это большой праздник и значимое событие для нашей культуры.

Так вот, в этом письме вновь это слово — *чую* — «чую себя здесь чужим и ненужным», здесь — это в Америке, которую поэт еще в знаменитой своей «Инонии» назвал «отколотой половиной земли»:

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

Проведя в Америке четыре месяца и возвращаясь на «основную» половину земли, Есенин ощутил во

Улица Есенина в Кемерово

всей полноте неприятие той, американской, цивилизации, ее «отколотость» получила теперь практическое подтверждение. Почему опять *чуять*? Потому, что Есенин не принял Америку на самых разных уровнях — ее машинную цивилизацию, ее страсть к биржевым спекуляциям, ее поклонение золотому тельцу. И ее интерес не к сути-глубинности, а к форме-оболочке, преобладающему вниманию к сиюминутному, что проявилось в отношении прессы и «общества» к такой необычной супружеской паре, какую являли собой Есенин и Айседора. Думаю, что немаловажную роль в негативном восприятии Штатов сыграли те составляющие, которые можно выразить через семантику слова *чуять:* звуки, запахи, цветовая палитра — все это было необычайно далеко от родных константиновских просторов, где можно было «затеряться» в «зеленях твоих стозвонных». Вот такое звуковое восприятие — «стозвонность», неподражаемое и неповторимое многоголосье, колокольно-православное, фольклорно-христианское объемное восприятие многомерного мира, вмещающего, казалось бы, всю вселенную, — было близко и дорого Есенину. И потому — в том числе — не мог он найти покоя в городе. В городе, отметим, значительно более тихом, чем нынешние города-гиганты — убивающие, кажется, неимоверным своим шумом саму жизнь.

В том же письме Есенин, не стесняясь в выражениях, объяснил, почему ему, «законному сыну российскому», тошно «в своем государстве пасынком быть». В том государстве, где город нещадно наступал на исконную природную цивилизацию, где Есенин страдал, пропуская через себя трагический образ — «Вот сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе».

В поэме «Страна Негодяев» *чуять* в словах Замарашкина о способностях Номаха сближено с восприятием обонянием: «Он чует самый тонкий запах».

В вариантах драматической поэмы «Пугачев», прочитанных двадцать лет назад Н. И. Шубниковой-Гусевой и опубликованных в Полном собрании сочинений Есенина, сохранилась многослойная правка строк поэмы, позволяющая раскрыть глубинные смыслы, которые вкладывал Есенин в слово *чуять*.

Вот они — есенинские варианты из черновой рукописи — слова Пугачева о медвежонке. Сначала было:

По луне его учит мать
Зим и весен унюхивать пальцы.

Поразительный образ мелькнул — пальцы зим и весен. Тут бы тоже поразмышлять, но перейдем к следующему варианту:

По луне его учит мать
Нюхать зим следы обжигающие.

Потом появляется интересующее нас слово:

По луне его учит мать
Чуять зим следы обжигающие.

Как видим, в данном случае слово рождается на основе обозначения восприятия обонянием. Затем, работая над текстом, поэт отказывается от слова *чуять*, значительно корректируя образ, отходя в окончательном варианте от антропоморфизма в пользу более яркого отображения целей учебы несмышленыша-малыша:

Знаешь ли ты, что осенью медвежонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый, знать
И призванье свое и имя.

Слово *чуять*, точнее, обозначаемое им действие, позволяет объединить земной и небесный миры, живущих и ушедших, зверье, «как братьев наших меньших», и человека... Все это крайне важно для Есенина и его поэтической системы.

ЕСЕНИН НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Наверное, дорогой читатель, в том, о чем написано выше, есть своя правда — далеко не всем дано осмыслить те звуки, цвета, образы, смыслы, которые вложил Есенин в свои строки — гениальные и во многом пророческие. И все же та всенародная любовь к русскому поэту, которая простирается на тысячи и тысячи километров, покидая землю и взбираясь в космос (ведь есенинский томик побывал на космической орбите и благополучно вернулся на родную планету), свидетельствует о том, что Есенина знают, любят и ценят. И каждый стремится его понять, опираясь на свой личный опыт, на свои преставления о поэзии. Да и не только о поэзии, но и о смысле, о сущности бытия, об устремлениях, мечтаниях и их воплощении — в обыденной жизни и возносящем ввысь творчестве.

Без преувеличения можно заявить, что Есенин охватывает огромные пространства — сел, небольших городков, малых городов и поселков, городов крупных и сверхмощных — и таких шумных! — мегаполисов.

И вот тому доказательства. Достаточно обратиться к официальному интернет-ресурсу — порталу Федеральной информационной адресной системы. В одной только России в настоящий момент 718 топонимов носят имя поэта (Есенина, С. Есенина, Сергея Есенина, имени Есенина). Среди них — 660 улиц, 54 переулка, 4 проезда (в Новокузнецке Кемеровской области, районном центре Волгоградской области Николаевске, Великих Луках Псковской

Памятная доска Есенину в Твери

Памятная доска Есенину в Мардакяне под Баку

области и Пензе). В числе топонимов — микрорайон имени С. Есенина в Алейске Алтайского края. Чтобы побродить по Есенинским переулкам, отправляйтесь в Алапаевск Свердловской области или в деревню Бурцево Вологодской области. Вам интересен Есенинский бульвар? Значит, вам в Москву, Тулу или в село Маслово Тульской области. Набережная Есенина, вероятно, пока одна. Мне удалось на ней побывать! Расположена она в Орле и появилась благодаря Г. А. Агаркову, многое сделавшему для города и для того, чтобы имя Есенина стало значимым для этого региона. Подвижник-есенинец создал в собственной квартире есенинский музей, в котором сам проводит экскурсии, организовал изготовление и установку памятника поэту, проводил в городе есенинские чтения с широким кругом участников.

Есть и населенные пункты, все топонимы которых связаны с Есениным. Однако это не радует, а печалит, поскольку такие селения очень малы, а вскоре могут и вовсе исчезнуть с географической карты. Такова, например, деревня Елкина в Свердловской области, в которой всего одна улица — Есенина, на ней 51 дом. В связанном с жизнью и творчеством Есенина селе Криуша Рязанской области поэту посвящено целых три топонима — улица С. Есенина и одноименные 1-й и 2-й переулки. Некоторые улицы Есенина уже исчезли в связи с гибелью самих деревень...

Есенинские топонимы широко распространены в России. Например, в Республике Саха (Якутия) улицы Есенина есть в столичном Якутске, центре одного из улусов Алдане и небольшом Томмоте. Улицы Есенина проложены в Крыму — в селах Родники, Ишунь, Вишневка, Войково, Заречное и Стальное. Есенинские топонимы имеются на карте от Калининградской области (поселок Свободное и город Ладушкин) до Дальнего Востока (Южно-Сахалинск, село Медвежье Сахалинской области, село Островное на Чукотке). Парк имени Есенина с небольшим прудом разбит в Санкт-Петербурге.

Немало есенинских топонимов и за пределами России. Улицы Есенина есть на Украине — в поселках Безлюдовка и Высокий, в городе Жмеринке, в селе Нововасильевка. В Киеве есть улица Сергея Есенина, а переулок Сергея Есенина — в Броварах Киевской области. Одноименная улица существует и в столице Беларуси, а также в районном центре Несвиже Минской области. Улицы Есенина есть в крупнейшем городе Казахстана Алма-Ате, в Караганде, поселке

Металлург Восточно-Казахстанской области, а также в селе Беловодское в Киргизии и в районном центре Дубоссары Приднестровья.

Есенинские топонимы — важная часть есенинского пространства. Каждый человек, который живет на улице Есенина, проходит по ней, обнаруживает ее в путеводителях и на картах, непременно вспоминает о русском поэте, о его жизни и творчестве.

Точное число библиотек и школ, носящих имя поэта, неизвестно. Библиотеки, носящие имя Есенина, занимаются популяризацией его наследия, собирают посвященные его жизни и творчеству коллекции. В некоторых из них работают есенинские музеи.

С именем Есенина связаны и средства размещения. Мини-отели «Есенин» есть в областном центре Кургане вблизи от городского парка и в Муроме Владимирской области. На стенах московского хостела «Есенин» — портрет самого поэта и сельские пейзажи. Есть случаи, когда есенинское название связано с топонимами, как, к примеру, апартаменты «Комфорт на Есенина 32» в Белгороде или апартаменты «На Есенина» в Минске.

НА ЗЕМЛЕ И В ВОЗДУХЕ

Но Есенин присутствует не только на географической карте. Его участие в нашей теперешней жизни значительно шире.

По имени русского поэта получил название один из соционических типов в соционике, характеризующийся как интуитивно-этический интроверт.

Имя поэта носит трехпалубный речной пассажирский теплоход проекта Q-065, построенный в 1984 года на верфи австрийского Корнойбурга и в том же году спущенный на воду. Судно эксплуатируется и сейчас, заходя во время круизов в порты Москвы, Санкт-Петербурга, острова Кижи... По этому же проекту, получившему наряду с официальным Q-065 и второе название — «Сергей Есенин», построено в середине 1980-х годов еще несколько речных судов — «Александр Блок», «Александр Грин», «Валерий Брюсов», «Демьян Бедный», «Михаил Светлов».

В течение нескольких лет по маршруту Москва — Рязань — Москва курсировал железнодорожный экспресс «Сергей Есенин». В 2015 году в связи с празднованием 120-летия со дня рождения поэта по инициативе Московского государственного музея С. А. Есенина были запущены носящие имя поэта поезд московского метрополитена и троллейбус, курсирующий по Садовому кольцу.

Среди бортов авиакомпании «Аэрофлот — Российские авиалинии» есть самолет Boeing 777-300, носящий имя Есенина. Напомним, что сам поэт вместе с А. Дункан был одним из первых пассажиров русско-германского общества воздушных сообщений «Дерулюфт», открывшего регулярные рейсы по международной почтово-пассажирской линии Москва — Кенигсберг, впервые соединившей нашу страну авиационным сообщением с иностранным государством. Вероятно, немецкий самолет Fokker FIII во время полета Есенина пилотировал советский военный и гражданский летчик Иван Филиппович Воедило, родившийся, как и поэт, в 1895 году.

ЕСЕНИН МУЗЕЙНЫЙ

Имя самого известного и всенародно любимого рязанца известно повсюду. Посвященные ему музеи открыты для почитателей его великого таланта во многих местах, в которых Есенин бывал, — в Орле и Мардакянах под Баку, в Москве и далеком Ташкенте, в родном есенинском Константинове и старинном селе Спас-Клепики. Но существует немало музеев, появившихся в городах, история которых никак не пересекается с есенинской.

В чем же причина этого феномена? Музеи появляются там, где есть люди увлеченные, целеустремленные, умеющие сформулировать и ярко реализовать свою мечту. Таких людей много, мечтой некоторых из них стало собирание есенинских коллекций и их открытие для всеобщего обозрения. Человек многие годы на собственные средства покупает старые книги, редкие журналы, конверты, значки, марки, пластинки, предметы быта, нумизматику... Все это собирает в собственной квартире, которую открывает для бесплатного посещения всеми желающими.

Кажется, что в наше время такого не может быть. Но это не так. Есть люди, которые показывают свои коллекции, проводят экскурсии, вручают коллегам щедрые подарки. Есть такие есениноведы, которые, как Георгий Александрович Агарков из Орла, приобретают отдельную квартиру, становящуюся полноценным музеем. Или такие, как житель Вязьмы Смоленской области Павел Никифорович Пропалов, который разместил музей в своей единственной квартире. Создатель музея, экскурсовод, директор и главный хранитель в одном лице назвал свое детище музеем «Сергей Александрович Есенин». Музей этот работает уже более тридцати лет, упоминается в путеводителях по Смоленской земле, а дни юбилеев самого Павла Никифоровича и его музея становятся общегородскими праздниками, на которые собираются не только местные жители, но и многочисленные гости. Одних прижизненных изданий поэта в вяземском музее 28 экземпляров, а всего в коллекции более 5000 книг, около 4000 газетных и журнальных вырезок о Есенине (с 1916 года по настоящее время).

Метель в Константиново

Представлены книги авторов, связанных со Смоленской землей, — А. С. Грибоедова, М. В. Исаковского, А. Т. Твардовского, Н. И. Рыленкова.

Школьные музеи нередко, как, например, созданный Валентиной Евгеньевной Кузнецовой музей в поселке Росляково Мурманской области, воспитывают не одно поколение учащихся, позволяя им не только познакомиться с жизнью и творчеством Есенина, но и совершить поездки по тем местам, в которых он бывал. Школьный музей работает в московской школе № 641, с 1996 года носящей имя поэта. Музей «Тропа к Есенину» открыт в день 100-летия Есенина, долгие годы им руководит Тамара Ивановна Привалова.

Школьный музей работает и в Липецке — в школе (ныне гимназия), с 1997 года носящей имя Есенина. Основа музея — экспонаты, полученные в дар от Валентина Ивановича Синельникова (1923–2005) — офицера, художника-оформителя, коллекционера, заслуженного работника культуры Российской Федерации, члена Международного Есенинского общества «Радуница», лауреата Всероссийской Есенинской премии, почетного гражданина Липецка, создателя первого в городе музея Есенина.

Один из ярких примеров последнего времени — создание нового есенинского музея в селе Новотроицком Воронежской области, в 300 километрах от областного центра. Он возник благодаря дару Евгения Ивановича Иванова — инженера-строителя, создателя первого есенинского общественного музея в Воронеже. Музей ориентирован не только на школьников, он принимает и многочисленных гостей.

«ЖИВИТЕ ТАК, КАК ВАС ВЕДЕТ ЗВЕЗДА...»

Есенин — поэт истинно народный. Поэт, который лечит русскую душу, помогает нам выстоять в самых сложных условиях. Он же искренностью своего поэтического слова объединяет людей разных национальностей, становясь проводником русской поэзии и русской культуры в мире. Примеров тому можно привести немало — каждый год удается общаться с все новыми и новыми ценителями есенинской поэзии, переводчиками, исследователями, приезжающими на есенинские научные конференции и симпозиумы из Азербайджана, Беларуси, Болгарии, Бразилии, Вьетнама, Германии, Грузии, Испании,

Италии, Канады, Киргизии, Китая, Латвии, Монголии, Польши, Турции, Узбекистана, Украины, Франции, США.

Есенинские строки «Живите так, как вас ведет звезда...» можно считать одним из завещаний поэта многим поколениям читателей. Размышления человека о своей жизни, ее сути и целях, о своем пути в этом мире должны не просто становиться мечтами и раздумьями, но и воплощаться в реальные дела и поступки, в осознанное служение народу и стране на избранном поприще. Такое служение возможно лишь в том случае, если человек занимается делом, которое ему по душе, если оно раскрывает его способности. Среди людей, про которых можно сказать, что они многое сделали на выбранном ими поприще, немало тех, кто посвятил себя Есенину. Если выстраивать историю триумфального шествия есенинского творчества к читателям, прежде всего вспоминается Юрий Львович Прокушев (1920–2004) — личность уникальная и многогранная. Педагог, публикатор, издатель, организатор различных проектов, знаток русской литературы, коллекционер есенинских раритетов, он сформулировал и блестяще воплотил в жизнь многие идеи, причем не только есенинской тематики. Юрий Львович активно содействовал созданию есенинских музеев, прежде всего в родном есенинском Константинове и Москве — по первому московскому адресу поэта, многое сделал для сохранения его наследия. Прокушев сформировал и успел в значительной степени реализовать комплексную программу изучения жизни и творчества Есенина, которая включает в себя академическое Полное собрание сочинений, «Летопись жизни и творчества С. А. Есенина», Есенинскую энциклопедию, ежегодные международные есенинские конференции и научные сборники по их итогам. Памятники Есенину вблизи Рязанского кремля и на Тверском бульваре в Москве появились благодаря настойчивости и целеустремленности Прокушева.

Юрий Львович не был одинок, у него немало соратников, последователей, единодумов, как он их называл. В Советском Союзе возникло уникальное движение — народное есениноведение. Любители есенинской поэзии не только встречались друг с другом, проводили чтения, устраивали выставки, писали статьи, издавали книги. Их стараниями по всему Союзу было создано несколько десятков есенинских музеев, большинство которых работает до сих пор. Среди создателей музеев — учитель русского языка и литературы росляковской средней школы Мурманской области Валентина Евгеньевна Кузнецова; инженер-технолог, работник оборонного предприятия в Северске Томской области Владимир Иванович Николаев (1936–2013); фрезеровщик Вяземского машиностроительного завода Павел Никифорович Пропалов; орловский краевед и общественный деятель Георгий Александрович Агарков... Конечно, я назвал здесь далеко не все фамилии — о каждом члене Международного Есенинского общества «Радуница» можно написать интересную и содержательную статью!

Теперь, когда не только есенинские стихи, но и воспоминания о поэте, исследования о его жизни и творчестве, биографические книги можно свободно прочитать в Интернете, когда в социальных сетях существует множество групп, объединенных интересом к Есенину, можно говорить о своеобразном есенинском поле. И каждый становится на нем работником. Одни пишут стихи, вдохновленные творчеством поэта, другие рисуют, иллюстрируя его произведения. Удивительные картины — иллюстрации к произведениям поэта — собрались по итогам нескольких есенинских конкурсов в фондах Детской литературно-художественной галереи «Жар-птица». Десятки работ присланы юными художниками из разных городов России и зарубежья, и в каждой — свое осмысление есенинских стихов. Можно подолгу вникать в каждую картину, всякий раз радуясь глубокому пониманию поэзии юными дарованиями. Кто-то из них уже стал профессиональным художником, другие находят себя в иных сферах, но поэзия Есенина продолжает жить в их душах.

Увлекательное это дело — размышлять о Есенине в нашей теперешней жизни. И пусть не думают те, кто живет в современных многоэтажках, что они могут отлынивать от таких размышлений. Найдите время и отправляйтесь к Есенину в Константиново. Побывайте на высоком окском берегу, ощутите, как «синь сосет глаза», когда смотришь на петляющую уходящую в лесную даль великую русскую реку, послушайте «посвист ветряной», запомните, как «квохчут куры беспокойные», насладитесь, наблюдая, как «лижут сумерками золото солнца». Если повезет, вы увидите, как «ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде», и вслед за поэтом сможете повторить: «Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов». Поверьте в сказку — и она станет радостной былью.